

Н. Ф. К О Т Л Я Р

Древнерусская государственность

Н. Ф. Котляр

Древнерусская государственность

«Алетейя»

УДК 94(47).02
ББК 63.3(2)4

Котляр Н. Ф.

Древнерусская государственность / Н. Ф. Котляр — «Алетейя»,

ISBN 978-5-906860-09-5

УДК 94(47).02

ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-906860-09-5

© Котляр Н. Ф.
© Алетейя

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	7
1. Общий взгляд на проблему	7
2. Государственность как продукт классового общества?!	11
3. Предпосылки восточнославянской государственности	15
4. Начало государства (Аскольд)	20
5. Рождение общерусской государственности	23
6. Основные этапы развития государства в X в	25
7. Полиэтничность Киевской Руси	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Котляр Н. Ф.

Древнерусская государственность

Предисловие

О древнерусском государстве, которое отечественные источники XI–XIII вв. называют Русью или Русской землёй, а историки – Киевской или Древней Русью, написаны десятки книг и великое множество статей. Достаточно вспомнить среди работ последнего полувека фундаментальные сочинения Б. Д. Грекова¹, В. В. Мавродина², Б. А. Рыбакова³, П. П. Толочко⁴ и многие другие.

Однако почти все историки прошлого и настоящего в трудах древнерусской тематики уделяют основное внимание собственно истории Киевской Руси – политической, экономической, культурной. Проблема развития самой государственности остаётся как бы на втором плане. Даже в книге В. В. Мавродина «Образование Древнерусского государства» тема генезиса и эволюции государственности звучит тихо и приглушённо.

Между тем изучение истории государственности восточных славян IX–XIII вв. представляется чрезвычайно важным. История Киевской Руси нуждается в дальнейших углублении и конкретизации исследований, разработке проблем, которые раньше не всегда представлялись самостоятельно существующими и рассматривались в процессе создания трудов обобщающего характера. К ним относится и проблема восточнославянской государственности.

Исследовательская работа в области древнерусской истории имеет ту специфическую особенность, что круг основных источников, прежде всего летописей, сложился примерно полтора века назад и с тех пор заметно и принципиально не расширялся. В наши дни нет ни малейшей надежды на находку не то что ранее не известной летописи или хотя бы не известного её списка, но даже страницы, нескольких строк источника, не ведомого специалистам. Сказанное относится и к другим видам памятников древнерусской письменности. Эпиграфический же материал (берестяные грамоты, граффити на стенах храмов и различных археологических предметах) лишь добавляет отдельные детали и штрихи, но вряд ли способен внести принципиально новое в сложившиеся взгляды историков на тот или иной вопрос.

Поэтому, как мне представляется, в наше время изучение истории Древней Руси должно вестись двумя основными путями: 1) нахождение и обоснование ранее не установленных связей между фактами, явлениями, процессами и личностями и 2) оригинальное прочтение и интерпретация уже известных и комментированных сведений источников. В сочетании с привлечением археологических памятников, фонд которых ежегодно накапливается, и усовершенствованием исследовательского инструментария историков эти методы могут принести успех.

Обозначенная в заглавии этой книги тема в большой степени остаётся мало изученной. Обобщающих же работ по ней вообще не существует. В связи с этим автор не претендует на всестороннее и исчерпывающее её решение. Моя работа представляет собой серию очерков на заданную тему. Одни проблемы изучены более подробно, другие – менее; некоторые вопросы лишь поставлены или намечены. Основное же внимание сосредоточено на следующих проблемах: причины возникновения восточнославянского государства; основные факторы его раз-

¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1953.

² Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. *Он же*. Древняя Русь. Л., 1946.

³ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. *Он же*. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

⁴ Толочко П. П. Київська Русь. Київ, 1995.

вития; социально-экономический характер общества, в котором оно родилось и развивалось; государственная структура, её создание и эволюция; способы узаконения передачи верховной власти; форма государства и государственного правления; системы администрации, судопроизводства, взимания даней и повинностей; экономические, политические, культурные и идеологические факторы, способствовавшие развитию древнерусской государственности.

Как уже отмечалось, историография Древней Руси необычайно обширна. Сам характер написания этой книги и её ограниченный объём не позволили прибегать к обстоятельным обзорам научной литературы по каждому вопросу. Отсутствует в ней и чуть ли не обязательное (в плане следования давней традиции) историографическое введение. Взгляды предшественников предметно и конкретно рассматриваются в процессе работы. Во главу угла исследования поставлен источник: древнерусские летописи, свидетельства которых представляются мне далеко не полностью использованными и истолкованными в аспекте темы моей работы. Само исследование, как мне кажется, носит источниковедческий аспект, когда при изучении информации того или иного памятника письменности много внимания уделяется времени и месту его создания, особенностям текста, степени аутентичности его древнерусских известий – в тех случаях, когда используются более поздние летописные своды.

Надеюсь, что эта книга будет интересна и специалистам, и широкому кругу любителей истории⁵. Дискуссионность многих её положений, думается, не принадлежит к недостаткам работы.

⁵ Первое издание книги 1998 год. Текст печатается в первоначальной редакции.

Глава первая

Образование восточнославянского государства

1. Общий взгляд на проблему

Причины, хронология, основные этапы и обстоятельства образования государства в восточнославянском обществе поныне остаются мало изученными. Между тем эта тема уже более двухсот лет пребывает в фокусе внимания отечественных историков. Существующие теоретические построения в своём большинстве страдают излишней социологичностью и схематизмом, опираясь больше на логику, чем на объективный и кропотливый анализ свидетельств источников, пусть даже немногочисленных и часто противоречивых. Почти все исследователи солидарны во мнении, что Древнерусское государство родилось из союзов восточнославянских племён, однако пути его генезиса едва намечены.

В теоретическом плане проблема складывания государственности в раннесредневековых обществах принадлежит к кругу наиболее сложных и наименее исследованных. В последние годы количество публикаций на эту тему выросло. В преобладающем большинстве труды этой проблематики появляются в науке Запада и США. По разным причинам они остаются неизвестными большинству украинских, российских и белорусских исследователей. А ведь такие работы, хотя и построенные в основном на западноевропейском или американском материале, содержат важные теоретические положения и выводы, имеющие универсальный характер.

Марксистская методология, к тому же упрощённо и вульгарно истолкованная советскими историософами, объясняет возникновение и развитие государственности социально-экономической эволюцией общества. Ныне дилетанты призывают историков отказаться от поиска какой бы то ни было взаимозависимости между социально-экономической формацией и общественным развитием человечества. Но попытки абстрагирования от материальных условий жизни – а именно им отдаётся основное внимание при формационном штудировании истории – никого и никогда ещё не привели к успеху. Другое дело, что, наряду с общественно-экономическим развитием человечества, при исследовании его политической и социальной жизни необходимо учитывать и другие факторы: эволюцию самого этноса (племени, народности, нации и др.), культурно-ментальный фактор, особенности идеологии (религии) и др.

Теперь стало особенно модным – вновь среди дилетантов – стремление закладывать в фундамент исторического исследования главным образом этнокультурное развитие того или иного народа. По существу, возрождается в весьма элементарном виде народническое направление, основанное более ста лет назад. Кажется, что может быть привлекательнее, особенно для любителя старины?! Мол, сам народ создавал собственную культуру и государственность. И это в общем соответствует действительности. Но при этом народ никогда не переставал существовать в конкретных социально-экономических жизненных условиях. На мой взгляд, просто невозможно отказаться от изучения государствообразующих процессов в рамках социально-экономической истории, в параметрах развития общественной формации.

Само по себе исследование этнической истории наталкивается на большие трудности прежде всего через неразработанность понятийного аппарата. В последнее время дилетанты, особенно на Украине, часто высказывают сомнения по поводу правомерности термина «народность», прежде всего в отношении древнерусской. Они предлагают заменить его словом «этнос». Но ведь это вовсе не тождественные и не равноценные понятия. Этнос не обязательно связан с определённой территорией жизни и определённой социально-политической структурой (племенем, союзом племён, княжеством, государством). К одному и тому же этносу могли

принадлежать и считать себя принадлежащими к нему люди, связанные общностью языка и культуры, где бы они ни находились в мире. Например, славяне Балканского полуострова в X–XII вв. составляли единый этнос, но разные народности. Потому что, в отличие от этноса, народность есть территориально целостный этносоциальный организм⁶.

Этнокультурным и этносоциальным исследованиям препятствуют и трудности исторического плана. Археологические памятники мало могут помочь в деле этнической идентификации и дифференциации. Ведь этнос и археологическая культура – вовсе не одинаковые по содержанию понятия. А письменные источники средневековья различают людей, как правило, не по этнической принадлежности, а главным образом по конфессиональному признаку, политическому фактору или при помощи противопоставления: свой – чужой⁷.

В последние годы в научном мире ведутся кропотливые исследования в области теории этноса, однако до единства или хотя бы сближения взглядов по многим вопросам среди учёных пока ещё далеко. Хотя почти все исследователи сходятся на том, что так называемых материальных признаков этнической общности (происхождение, принадлежность к расе, язык, культура, обычаи) оказывается недостаточно для размежевания людей на племена, народности, нации. Поэтому многие этнологи связывают понятие этнической принадлежности со сферой коллективного сознания, которая исследуется социальной психологией. Иначе говоря, одно из первых мест в этнической идентификации занимает самоощущение человека. Не каждая крупная общность людей образует этническую, но лишь такая, которая апеллирует к единству происхождения или исторической судьбы и предусматривает возможность отдельного территориально-политического существования⁸. Следовательно, роль этнического самосознания представляется особенно большой. К сожалению, проявления такого сознания редко прослеживаются в памятниках письменности эпохи раннего средневековья на Руси, т. е. XI–XIII вв.

Исследование этнических процессов серьёзно затрудняется и тем обстоятельством, что термин «этнос» (так же, как и «феодализм») – не средневековое или античное определение, а современное слово. Поэтому учёным трудно удержаться от привнесения в него современных понятий. На большом материале письменных историков средневекового Запада установлено, что авторы того времени в качестве характеристик этнического единства (которое они, понятно, называют иначе) выделяют общность обычаев, языка и закона. Это же видим в «Повести временных лет», когда Нестор характеризует различные славянские племена: «Имяху бо (славяне. – Н. К.) обычаи свои, и закон отец своих и преданья, кождо свой нрав»; и в другом месте: «А язык словенски един»⁹.

Как отмечают современные специалисты, все признаки этноса, названные древними источниками, представляются дискуссионными, а в сумме не дают оснований определять этническую общность индивидов или групп. Очевидно, определение этнической принадлежности выполнялось средневековыми авторами в контексте политики, а сама категория этноса воспринималась как функция обстоятельств, имевших основное значение при установлении отношений господства и подчинения¹⁰.

Таким образом, изучение этнической эволюции, процесса образования народа само по себе оказывается недостаточным для определения закономерностей и особенностей государ-

⁶ Литаврин Г. Г., Наумов Е. П. Этнические процессы в Центральной и ЮгоВосточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 232.

⁷ См. одну из новых работ этой тематики: Толочко О. Образ «чужинця» в картині світу домонгольської Русі // *Medievalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей*. Т. I. Київ, 1992.

⁸ Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева // *Нева*. 1992. № 4. С. 235–236.

⁹ Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 14, 23.

¹⁰ Geary P. J. Ethnic identity as a situational construct in the Early Middle ages // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. Bd. 113. 1985. S. 16.

ствообразования в Восточной Европе, да и в любом другом регионе Земли. По поводу самого термина «народность», вероятно, можно спорить. Возможно, этнологи в будущем предложат иное определение. Что же касается древнерусской народности, то как её ни называть – народностью или, например, этносоциальной и культурной общностью, – политически и национально не предубеждённый исследователь должен согласиться с тем, что источники XI–XIII вв., прежде всего летописи, рожают у читателя ощущение одного народа, обитавшего на общей территории от Чёрного моря до озера Ильмень, от Карпат до Волги. Это вовсе не означает, будто бы эта народность была монолитной.

Все процессы и явления времён средневековья вообще отличались относительным характером. Относительным было и единство древнерусской народности. Её составные части, союзы племён и племенные княжения, отличались друг от друга языковыми, культурными и бытовыми особенностями. Но то, что их объединяло, было сильнее того, что разъединяло.

Поэтому в штудиях проблемы образования древнерусской народности следует учитывать социально-экономические условия её жизни, соответствующие процессы и явления, происходившие в восточнославянском обществе. При этом не обойтись без изучения обстоятельств и хронологии эволюции феодализма на восточнославянских землях.

Долгое время советские историки абсолютизировали роль социально-экономических отношений в бытии общества. Состоянием производительных сил и производственных отношений, ходом их развития мы универсально и прямолинейно объясняли часто едва уловимые в источниках особенности жизни духовной, культурной, религиозной. Ныне многие впали в иную крайность, вообще отбрасывая роль общественно-экономических факторов в эволюции человечества и рассматривая как самостоятельные и не зависящие от суровых реалий жизни процессы истории культуры, духовности, религии и др. Дошло до того, что даже среди части специалистов стало модным избегать вообще понятий, связанных с формационным изучением исторического процесса: родоплеменной и рабовладельческий строй, феодализм, капитализм. Историческое начальство даже заменило термин «феодализм» другим: «средние века». В Институте истории Украины АН Украины отдел истории феодализма переименован в отдел истории средних веков. Однако эти понятия различны по содержанию и не синхронны по времени. Так, производственные феодальные отношения на Украине длились по крайней мере до конца XVIII в., тогда как период средневековья завершился не позднее последних десятилетий XVI в.!

изучение исторического процесса принадлежит к основным теоретическим основам мировой науки нашего времени. Не случайно абсолютное большинство учёных у нас и за границей охотно пользуются терминами «феодализм» и «капитализм». Эти понятия родились задолго до того, как к ним обратились К. Маркс и Ф. Энгельс. Они отражают объективную реальность исторической эволюции общества, делая акцент на главном в человеческих отношениях: характере собственности, социально-экономических и иерархических связях между членами общества, структуре последнего.

Обращусь для иллюстрации сказанного к творчеству крупнейшего знатока и теоретика истории средневековья на современном Западе – французского учёного Жака Ле Гоффа. Он считает, что феодальная система была универсальным способом экономической эксплуатации, схема которой при всём хронологическом и географическом разнообразии остаётся одной и той же. «Феодальная система, – пишет он, – это, в сущности, присвоение сеньориальным классом – церковным и светским – всего сельского прибавочного продукта, обеспеченного трудом крестьянской массы. Эта эксплуатация осуществляется в условиях, которые лишают крестьян возможности участвовать в экономическом прогрессе...». Ж. Ле Гофф видит в феодализме систему личных связей, иерархически связывавших членов высшего слоя общества. Поскольку наиболее важные вопросы общественной жизни сосредоточились вокруг земельных пожалований сюзеренов вассалам, это подводит под феодализм аграрную базу и даёт ясно понять, что

феодализм – это, прежде всего, система землевладения и землепользования¹¹. Однако французский учёный не абсолютизирует роли феодальных отношений в истории средневековья. Не стоит этого делать и нам¹².

¹¹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 89, 212 и др.

¹² В современной исторической антропологии общепризнан тезис, согласно которому в эволюции общества взаимодействуют все три его составные элементы: экономическая структура, социальная организация, культура (см.: *Tentons l'expérience // Annales: E. S. C.* 1989. № 6. P. 1320).

2. Государственность как продукт классового общества?!

Именно упрощённым и догматическим пониманием и толкованием процессов общественно-экономического развития человечества и была, вероятно, рождена мысль, в сущности, до сих пор господствующая в отечественной исторической науке: будто бы государственность есть непременно продукт классового общества, применительно к славянам – общества феодального. Засвидетельствованное письменными источниками существование государства, в нашем случае – Древнерусского, признавалось, да и поныне признаётся решающим доказательством бытования... феодального способа производства на Руси. Этот, по существу, парадоксальный тезис долгое время почти никто не подвергал сомнению. Даже такой глубокий и авторитетный знаток древнерусской истории, как Л. В. Черепнин, разделял его: «Очень трудно определить: где искать грань, с которой можно было бы начинать историю феодальной формации. Если понимать под последней систему социально-экономических отношений и соответствующих им политико-юридических форм, то, очевидно, такой гранью может служить образование феодального государства. На Руси это произошло в конце IX в.»¹³. Вне сомнения, учёный имел в виду объединение восточнославянских Севера и Юга, ознаменовавшееся утверждением князя Олега в Киеве в 882 г. – согласно сомнительной для IX в. хронологии «Повести временных лет».

Между тем хорошо известно, что и в доклассовых обществах существовало немало государств. В Восточной Европе – аварское VII-VIII вв., хазарское VIII – IX вв., монгольское XIII в. Мне могут возразить: мол, дело здесь в особой специфике социального развития кочевнических этносов. Но мало кто сомневается сегодня в существовании государственности у скандинавов в конце IX–X вв., когда они переживали эпоху разложения родоплеменного строя.

Государственным образованием в родоплеменной среде было, на мой взгляд, и славянское «Государство Само», возникшее в VII в. на Среднем Дунае. Чешский славист А. Авенариус, посвятивший «Государству Само» статью, вместе с тем вовсе не считает его настоящим государством, как бы не замечая, что в своей работе приводит два главных признака государственности в этой стране: отчуждение власти от народа и организацию населения по территориальному принципу. Выразительным признаком, отличающим территорию «Государства Само» от других славянских областей, пишет он, было возникновение племенной структуры на ранней стадии эволюции общества. Этот процесс был столь быстрым и последовательным, что археологи не могут локализовать отдельные племенные территории (названия самих племён до нас не дошли)¹⁴. А. Авенариус допускает разрушение племенной структуры Само в процессе аварского завоевания. Однако упомянутый процесс носил исторически объективный характер, и его нельзя объяснить лишь внешнеполитическим, пусть и чрезвычайно важным фактором. Аварское вторжение и господство не нарушило структуры восточнославянского союза дулебских племён, о котором рассказывается во введении к «Повести временных лет».

Эту жёсткую связь между зарождением государственности и складыванием классового общества последовательно отстаивал академик Б. Д. Греков. В книге «Феодальные отношения в Древнерусском государстве» (1935) он рассматривал это государство как феодальное уже для X в. Эта мысль подверглась резкой критике со стороны известных учёных старшего поколения: Н. Л. Рубинштейна, С. В. Бахрушина, В. А. Пархоменко. Они отрицали саму возможность

¹³ Черепнин Л. В. Русь: спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Пути развития феодализма. М., 1972. С. 145.

¹⁴ Авенариус А. «Государство Само»: Проблема археологии и истории // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 72.

существования феодальных отношений в Киевской Руси IX–X вв., ставя заодно под сомнение и существование в то время самой этой державы, объединяющей всех восточных славян¹⁵.

Однако Б. Д. Греков, вероятно, ощущая поддержку институтов официальной идеологии, видевшей в особенно раннем существовании феодального государства на Руси доказательство её извечного вхождения в круг передовых стран Европы, а возможно, находясь под давлением этих институтов, в течение второй половины 30-х гг. настойчиво отстаивал мысль о возникновении этого государства как феодального в IX в. И всё же под влиянием упрямого неприятия его взглядов и не утихавшей конструктивной критики¹⁶ историк в годы Великой Отечественной войны был вынужден признать дофеодальный характер Киевской Руси IX–X вв.¹⁷ Но ненадолго.

В конце 40-х и особенно в начале 50-х гг. в советской историографии, вновь под идеологическим давлением партии, утвердилось стремление отодвинуть как можно дальше во времени начала феодального общества и государства на Руси. Причины кроются в политических претензиях и амбициях партийно-государственной верхушки – провозгласить страну, только что победившую в изнурительной войне, исконно самой передовой в мире. Отсюда в значительной степени и пошла печальной памяти борьба против «космополитов» и назойливое стремление объявить едва ли не все открытия мировой науки и техники сделанными на Руси и в России. Официально признанный глава советской исторической науки, уже пожилой и тяжело больной Б. Д. Греков, вероятно, не нашёл в себе сил избежать подобного удревнения государственности и феодализма на Руси. В своих трудах того времени, в частности в последнем прижизненном издании «Киевской Руси»¹⁸, он стал относить начало восточнославянской государственности к VII–VIII вв., одновременно предложив рассматривать как полуфеодальный период VI – VIII вв. А Киевская Русь, возникшая в IX в., с самого начала была феодальным государством. Эти мысли историка, не имевшие подтверждений в источниках, на долгие годы воцарились в нашей историографии.

Безусловное и прямое увязывание государственности с существованием феодального общества отразилось и на работах историков последующего времени. Например, В. Д. Королюк, меньше всего заслуживавший упреков в догматизме, предложил считать начальным рубежом раннефеодального периода для всех славян – западных, южных и восточных – VI–VII вв., отметив при этом, что в VII в. источники отмечают у всех трёх ветвей славян первые попытки создания относительно крупных политических формирований. В. Д. Королюк считал наиболее ранней и элементарной формой славянской государственности племенные княжения¹⁹. Но источники не дают оснований думать, будто бы в тех княжениях существовали феодальные отношения.

Большинство современных историков не разделяет всё же мнения о существовании феодальных отношений в восточнославянском обществе до X в. Недостаточная аргументированность этого положения постоянно вызывала критику у нас и за рубежом. Своеобразной реакцией на подобные априорные мысли можно считать работы И. Я. Фроянова, утверждающего, будто восточнославянское общество оставалось родоплеменным не только в VIII–IX, но и в X–

¹⁵ См.: *Рубинштейн Н. Л.* Рец. на кн.: Памятники истории Киевского государства // Историк-марксист. 1938. № 1; *Бахрушин С. В.* К вопросу о русском феодализме // Книга и пролетарская революция. 1936. № 6; *Пархоменко В. А.* Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Серия ист. наук. 1941. Вып. 5.

¹⁶ Большинство авторитетных историков той поры считало эпоху IX–X вв. дофеодальной, переходной от родоплеменного строя к феодальному. Наиболее последовательно развивал эту идею С. В. Юшков в книге «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» (1939). По его мнению, лишь в конце X в. на Руси начали складываться феодальные отношения (с. 26–43). Эта мысль представляется научно корректной.

¹⁷ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1944. С. 184.

¹⁸ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 116–118, 126 и др.

¹⁹ *Королюк В. Д.* Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI в.). М., 1970. С. 4, 5.

XI вв.²⁰ По его убеждению, восточные славяне, в среде которых в X–XI вв. происходили важные и принципиальные изменения в социальноэкономической, политической и культурной областях, были лишённой развития, застывшей общностью. С этим решительно нельзя согласиться.

В советской историографии неоднократно предпринимались попытки определить время, характер и конкретно-исторические условия перехода восточнославянского общества от союзов племён к государству. Эта последовательность в его развитии, которая теоретически представляется несомненной, нечётко и невыразительно отражена в источниках. В соответствии с духом времени в конце 40-х – начале 50-х гг. историки искали очень ранние славянские протогосударства, на фундаменте которых могла сложиться Киевская Русь. С. В. Юшков, например, утверждал существование Антского государства IV–VI вв., а также Волынского, или Карпатского, VI–VII вв.²¹ Его утверждение основывалось на трудах современных ему археологов, относивших к славянам большинство памятников материальной культуры Восточной Европы первых столетий нашей эры. Теперь археологи и историки уже не видят в союзах антских племён стойких и сколько-нибудь централизованных политических образований. Это же касается Волынской (Карпатской) «державы», которая в действительности была союзом или несколькими союзами племён.

Ради справедливости стоит заметить, что С. В. Юшков вовсе не считал предложенные им сверхранние восточнославянские государства феодальными. Один из немногих историков своего времени, он не связывал столь непосредственно (как абсолютное большинство его коллег) государственность с наступлением феодализма на Руси. Среди разновидностей дофеодальных держав он называл и такие, что возникали в процессе разложения родоплеменного строя. С. В. Юшков настаивал на многоукладности таких дофеодальных («варварских») государств, полагая, что в них существовал и феодальный уклад, роль которого с течением времени возрастала. Киевскую Русь IX–X вв. он относил как раз к дофеодальным государствам²². Труды С. В. Юшкова были новаторскими и во многих отношениях опередили даже некоторые современные нам теории социальной сущности восточнославянского общества и начального этапа существования государственности на Руси.

Трудно возражать против того, что исследование предпосылок рождения древнерусской государственности следует начинать с VI–VII вв. – времени создания союзов славянских племён, расселявшихся на восточноевропейской равнине. Но подобная работа связана с трудностями, которые вряд ли удастся преодолеть. Главный письменный источник, этногеографическое введение к «Повести временных лет», в рассказе о расселении славян опирается почти исключительно на фольклорную традицию (родовые и исторические предания, легенды, дружинные песни и др.), и поэтому ему присущи обобщённость свидетельств о славянских племенах, неясность хронологии их распространения в Восточной Европе и объединения в большие и малые союзы.

Учёные неоднократно рассматривали вопрос относительно исторической реальности картины расселения славян во введении к «Повести временных лет», времени, когда оно происходило, и стремились найти ей соответствия в иноземных источниках. Например, А. И. Рогов и Б. Н. Флоря, опираясь на свидетельства Баварского географа первой половины IX в., пришли к выводу, что сведения «Повести», вне сомнения, отражают историческую действительность того времени, а в отдельных случаях – и более раннего. Они считают, что племенные

²⁰ См. одну из последних работ такого рода: *Фроянов И. Я.* К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

²¹ *Юшков С. В.* Киевское государство (к вопросу о социальной структуре Киевской Руси) // Преподавание истории в школе. 1946. № 6. С. 21, 22.

²² *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. *Он же.* К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 65.

союзы существовали в VII–VIII вв., а в некоторых случаях, возможно, и раньше²³. По этому поводу Л. В. Черепнин осторожно заметил, что к VIII–IX вв. перечисленные в летописи союзы племён уже сложились²⁴. В исторической литературе неоднократно отмечалось, что введение к «Повести» застаёт восточнославянский мир по меньшей мере с VI – начала VII в. Имеются в виду рассказы о «примучивании» дулебов аварами, основании Киева и некоторые другие.

Учёные уже давно обратили внимание на то, что в повествовании Нестора о расселении восточных славян, возникновении у них княжеской власти, обычаях не существует обозначений для этнокультурных и политических общностей разных социальных уровней. Для удобства дифференциации этих общностей исследователи пользуются понятиями «племя» и «союз племён». Однако сам летописец во всех случаях употребляет термин «род», как при изложении ранней (VI–VIII вв.), так и позднейшей (IX–X вв.) истории восточного славянства. У Нестора и составителя Новгородской первой летописи младшего извода этот термин обозначает и род в прямом понимании слова, и племя, и союз племён, и племенное княжение, и даже крупные этнокультурные общности, «народы» («род словенский», «род ляхов», «род варяжский»)²⁵.

С особенно большими трудностями связано использование археологических источников в штудировании восточнославянского общества VI–IX вв. В наши дни учёные-археологи в общем сходятся во мнении, что достоверные славянские древности датируются временем не раньше середины I тысячелетия н. э. Им предшествуют во времени памятники эпохи Великого переселения народов, часть которых имеет непосредственное отношение к славянскому этногенезу. Последние представляют собой комплексы материальной культуры этнически смешанного населения, поэтому выявить преемственность славянских древностей VI–VII вв. от более ранних оказывается очень трудным делом²⁶. Прибавлю к этому, что этнос и археологическая культура не являются тождественными понятиями²⁷, что материальные памятники во многих случаях этнически не окрашены, что, наконец, они чаще всего бессильны в вопросах изучения социальной структуры общества. Понятно поэтому, с какими трудностями встречается учёный, обратившийся к исследованию истории восточных славян времён группирования больших и малых племён в большие и малые союзы.

²³ *Рогов А. И., Флоря Б. Н.* Формирование самосознания древнерусской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 98, 100.

²⁴ *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 146.

²⁵ См., напр.: *Рогов А. И., Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 98.

²⁶ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 92–100.

²⁷ Так, Черняховская археологическая культура на территории Украины и соседних стран, отличаясь общностью материальных памятников, была полиэтнической, объединяя, в частности, готский и славянский этносы.

3. Предпосылки восточнославянской государственности

Главным, а во многих случаях и единственным источником исследования процессов образования восточнославянского государства до сих пор остаётся летопись. Знаменитое этно-географическое введение к «Повести временных лет», не раз цитировавшееся и толковавшееся исследователями, начинается свой рассказ о славянах со времени их расселения на пространствах Европы. Кратко сказав о южных и западных славянах, Нестор далее сосредоточивает внимание на восточных: «Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи...» и т. д.²⁸

Современные историки согласны в том, что поляне, древляне и другие общности Нестора представляли собой союзы восточнославянских племён. Известный польский славист Х. Ловмянский определял модель позднего племенного строя в славянском мире таким образом: все без исключения славяне имели двухступенчатую территориальную структуру, нижнюю ступень которой можно назвать малым племенем, а высшую – большим. У восточных славян, по его мнению, малыми племенами были полочане, жившие на ограниченной территории в бассейне небольшой речки Полота, и, возможно, радимичские пишанцы. Вероятно, малые племена входили в состав больших, таких, как поляне или северяне²⁹. Таким образом, под малыми и большими племенами Х. Ловмянский понимал союзы племён. Поэтому предложенная им структура славянского общества на самом деле не двух-, а трёхступенчатая: племя – малый союз – большой союз племён.

Можно думать, что на стадии существования союзов племён общественный строй восточных славян сохранял демократические черты. Верховным органом племени и, возможно, малого союза племён было собрание (вече) всех его свободных членов. Вместе с тем на этой стадии уже существовала племенная знать, хотя, по меткому замечанию Х. Ловмянского, её контуры не очень выразительны³⁰. На взгляд Х. Ловмянского и некоторых других историков, знать состояла из верхушки нескольких привилегированных родов, из среды которых общее собрание избирало вождей и старейшин. Но власть вождей на этом этапе ещё не была индивидуально наследственной – её унаследовали определённые роды.

Доказательством этого может служить рассказ Новгородской первой летописи младшего извода под весьма условным 854 г.: «Начало земли Русской. Живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюща кождо родом своим. И быша три братия: единому имя Кии, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь... И беша мужи мудри и смыслене, наречахуся поляне, и до сего дне от них же суть кыяне»³¹. О том, что киевская княжеская династия берёт начало от рода Кия, Щека и Хорива, а не от них самих, чётко свидетельствует и Нестор: «И по сих братьи держати почаша род их княженье в полях» (полянах. – Н. К.)³².

Западноевропейские средневековые источники позволяют сделать вывод, что славянская племенная знать имела какие-то владения, вела хозяйство при помощи рабского труда³³. Поскольку уровень стадийного развития западных и восточных славян был приблизительно

²⁸ Повесть временных лет. С. 11 (здесь и далее цитируются ч. 1 издания 1950 г.).

²⁹ Ловмянский Х. Основные черты родоплеменного и раннефеодального строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 97.

³⁰ См.: Ловмянский Х. Указ. соч. С. 10.

³¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 104–105.

³² Повесть временных лет. С. 13.

³³ См.: Ловмянский Х. Указ. соч. С. 10.

одинаковым, можно думать, что и в восточнославянском обществе на стадии существования союзов племён верхушка уже отделилась от массы свободных общинников в социальном и имущественном отношениях. Выделился слой воинов-земледельцев.

Завершая краткий рассказ о восточнославянских союзах племён, необходимо отметить, что они были выразительными этносоциальными и этнокультурными общностями, на что указывает летопись Нестора: «Имяху бо (племена. – *Н. К.*) обычаи свои, и закон отец своих и преданья, кождо свой нрав»³⁴. Археология подтверждает существование различий между союзами племён в памятниках материальной культуры, прежде всего в погребальном обряде, а также в украшениях и некоторых бытовых вещах³⁵. Эти различия так и не были преодолены за время существования древнерусской народности.

Интенсификация процессов разложения родоплеменного строя, сказавшаяся в усилении социальной и имущественной дифференциации, усилении позиций знати, следовательно, в важных изменениях в обществе, ускорении экономического развития, постепенно привела к созданию на основе союзов племён образований более высокого социального уровня – племенных княжений. О постепенности и плавности прохождения этого процесса можно судить из рассказа «Повести временных лет» о событиях после смерти Кия и его братьев. Упомянув о том, что после них «держати почаша род их княженье в полях» (полянах), Нестор продолжает: «А в деревлях свое (княжение. – *Н. К.*), а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане»³⁶. Далее речь идёт о кривичах, северянах, веси, мере, муроме, черемисах, мордве, которые, судя из контекста, также имели свои княжения. (Как известно, Новгород возник лишь в X в., поэтому его название в приведённом отрывке было, скорее всего, интерполировано летописцем в свидетельство, почёрпнутое им из фольклорного источника.)

Хронология процессов перехода восточнославянского общества от союзов племён к племенным княжениям остаётся неясной. Современный этап исследованности источников не позволяет уточнить её. Летопись сообщает лишь, что такие княжения существовали на севере Руси в середине IX в., когда чудь, словены, кривичи и весь призвали варягов «княжить и володети нами»³⁷. Можно допустить, что на юге, где по крайней мере до XI в. социальные и экономические процессы развивались быстрее, чем на севере, племенные княжения существовали уже в VIII в. В. Д. Королюк, которому вообще было присуще стремление отодвигать назад во времени социально-экономические и политические явления и процессы, думал, что эти княжения возникали ещё в VII в.³⁸ Однако учёный не привёл доказательств в пользу своего мнения.

Сдвиги в социальной и политической структуре восточнославянского общества, которые привели к складыванию племенных княжений, были значительными и принципиальными. Как образно писал Л. Г. Морган, народ стремился перейти из родоплеменного общества, в котором был с древних времён, к политическому обществу, основанному на территории и собственности³⁹. Территориальная организация общества на стадии племенных княжений была ещё впереди, но частная собственность и связанное с ней имущественное и социальное расслоение стали, думаю, одним из главных факторов перехода от союзов племён к княжениям. Впрочем, не следует преувеличивать темпов внедрения частной собственности в восточнославянскую среду – испокон веков привыкшее к имущественному равенству родоплеменное общество долго не воспринимало её.

³⁴ Повесть временных лет. С. 14.

³⁵ *Рогов А. И., Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 99.

³⁶ Повесть временных лет. С. 13.

³⁷ Там же. С. 18.

³⁸ *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Становление раннефеодальных славянских государств. С. 219.

³⁹ *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934. С. 126.

Важное, если не решающее, значение возникновения частной собственности в эволюции общества эпохи разложения родоплеменного строя отмечает и современная этнология. М. Фрид писал, что в так называемых стратифицированных обществах люди не имеют равных возможностей доступа к жизненным ресурсам. Система распределения ресурсов и определяет политическую систему⁴⁰. С ним солидарен другой американский этнолог Э. Р. Сервис. Он, как и многие его западные коллеги, называет общество переходного типа от племенного строя к государству словом «чифдом» (chiefdom) – «вождество» – и замечает, что в нём основополагающее значение имеет форма перераспределения общественного продукта. Следовательно, в возможности доступа к распределению жизненных благ Э. Р. Сервис видел основу для выделения и усиления вождей, племенной аристократии⁴¹. Таким образом, экономическая эволюция определяет общественный прогресс. Не трудно понять, что подобные изменения в распределении общественного продукта могли быть вызваны только появлением и развитием частной собственности. Е. Н. Черных прибавляет к словам Э. Р. Сервиса, что вождество смыкается с раннеклассовыми государствами⁴². Не могу с этим согласиться, потому что раннеклассовое государство принципиально отличается от вождества, в нашем случае – племенных княжений.

Власть племенных вождей, в том числе и вождей союзов племён, и глав племенных княжений опиралась на систему укрепленных поселений-градов, о большом количестве которых у восточных славян середины IX в. сообщает Баварский географ. Существенная разница между градами племён и их союзов, с одной стороны, и племенных княжений – с другой, состоит, как мне представляется, в том, что в княжениях в ряде случаев возникали уже не просто укрепленные поселения, а протогорода. Некоторые из них в течение IX–XI вв. превратились в настоящие феодальные города. В историографии не раз отмечалась важная роль протогородов и далее городов в перерастании родоплеменного общества в раннеклассовое, в создании государственности⁴³. Эта проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Некоторые исследователи допускают существование зародышевого аппарата власти в племенных княжениях⁴⁴, постепенном формировании княжеской, отделившейся от племенной, сокровищницы. Но представляется ошибочной мысль, будто бы в них существовала социально обособленная потомственная знать с князем и его дружиной⁴⁵, – для времени, предшествовавшего образованию государственности, это трудно представить. Ведь резкое и окончательное отчуждение власти от народной массы принадлежит к главным признакам государства. Точно так же модернизацией исторического процесса в VI–VII вв. следует признать мысль Б. Н. Флори, будто бы у славян «уже зарождался институт княжеской власти»⁴⁶. Действительно, источники, западные и древнерусские, постоянно называют князьями племенных вождей, но это вовсе не означает, что они ими были. Князь в подлинном значении этого термина появится в восточнославянском обществе лишь тогда, когда начнёт рождаться государственность.

Племенные княжения не были начальной формой восточнославянской государственности, это ещё догосударственные объединения. Вместе с тем они стали фундаментом образования государственности и непосредственными предшественниками первого настоящего государства, возникшего в Среднем Поднепровье в середине IX в., и даже сосуществовали с государством.

⁴⁰ *Fried M.* The Evolution of Political Society. N. Y., 1967. P. 185–186.

⁴¹ *Service E. R.* Origine of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution. N. Y., 1975. P. 15–16, 74–75 etc.

⁴² *Черных Е. Н.* От доклассовых обществ к раннеклассовым // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.

⁴³ См.: *Котляр Н. Ф.* Города и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1986. № 12.

⁴⁴ *Шаскольский И. П.* О начальных этапах формирования древнерусской государственности // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 57.

⁴⁵ *Королюк В. Д.* Основные проблемы... С. 218.

⁴⁶ *Флоря Б. Н.* Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства // Раннефеодальные государства и народности. С. 192.

Источники свидетельствуют, что племенные княжения сохранились после того, как Древнерусское государство уже возникло. Они входили в его состав. Можно считать, что по меньшей мере до конца X в. Киевская Русь была своеобразным федеративным государством. Вплоть до последней четверти XI в. существовало племенное княжение вятичей, о подавлении сопротивления которого и присоединении его к государству рассказывает в своём «Поучении» Владимир Мономах⁴⁷. Другие завершили своё существование на сто лет раньше. Древнерусское государство складывалось в процессе подчинения и инкорпорации племенных княжений. Но, даже войдя в состав державы, эти княжения долгое время владели заметной автономией, в чём убеждают свидетельства летописи о военных предприятиях киевских князей конца IX – первой половины XI в.

Когда Олег отправился с русского Севера на Юг овладеть Киевом, он «поим воя многи, варяги, чудь, словени, мерю, весь, кривичи»⁴⁸. В поход вместе с Олегом пошли представители тех славянских и неславянских племенных княжений, которые ещё до утверждения варяжской династии на Руси образовывали конфедерацию. Выходцы из тех же княжений двинулись в составе войска Олега на Царьград в 907 г., а вместе с ними «и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, иже суть толковины»⁴⁹. В летописном отрывке названы главные племенные княжения, признавшие к тому времени власть киевских князей.

Признание было вынужденным. Поведав о том, как Олег заставил радимичей платить дань ему, а не хазарам, Нестор завершает эту историю словами: «И бе обладая Олег поляны и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и тевверци имяше рать»⁵⁰. Летопись донесла до нас яркую и эмоционально напряжённую картину сколачивания государства киевским князем. Эта картина отличается динамикой: одни племенные княжения уже покорены, обложены данью, с другими ещё воюют. То же самое происходило при преемнике Олега Игоре.

Когда в 943 г. Игорь выбрался проторённым его предшественниками путём на Царьград, он «совокупив воя многи, варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и тевверце, и печенеги наа»⁵¹. Количество племенных княжений, поставивших воинов Игорю, заметно уменьшилось в сравнении с названными в войске Олега. Тиверцы уже не толковины (союзники), а упомянуты среди представителей других княжений, вошедших в состав молодой державы. На мой взгляд, это объективное свидетельство в пользу неуклонного развития процесса консолидации Древнерусского государства, последовательно поглощавшего племенные княжения.

В повествованиях о походах Святослава в Болгарию 968 и 970 гг. воины от племенных княжений уже не упоминаются. Летописец сообщает о походах лапидарно: «Иде Святослав на Дунай на Болгары» и «приде Святослав в Переяславецъ, и затворишася болгаре в граде»⁵². В составе войска Владимира, выступившего в поход на Корсунь летом 989 г., тем более рати Ярослава, пошедшей на Царьград в 1043 г., представители племенных княжений также не названы. Это может свидетельствовать об усилении процессов инкорпорации этих княжений в состав государства.

О немалой автономии племенных княжений рассказывают древнейшие памятники древнерусского международного права – договоры Руси с греками. Благодаря успешному походу на Царьград в 907 г. Олегу удалось подписать выгодный для Руси предварительный мирный договор с Византией. Об условиях этого договора летописец, в частности, сообщает: «Заповеда

⁴⁷ Повесть временных лет. С. 159.

⁴⁸ Там же. С. 20.

⁴⁹ Там же. С. 23.

⁵⁰ Там же. С. 20–21.

⁵¹ Повесть временных лет. С. 33.

⁵² Там же. С. 47, 50.

Олег ... даяти уклады на руския грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск (Полоцк. – Н. К.), на Ростов, на Любечь и на прочаа города, по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще». А при подписании текста окончательного русско-византийского соглашения 911 г. русские послы заявили грекам: «Послани от Олга, великого рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр»⁵³.

Эти «светлыи и велиции князи» могли быть лишь главами племенных княжений, входивших тогда в состав Киевского государства. Подчёркнуто почтительное отношение к ним киевского князя свидетельствует о том, что они обладали силой и влиянием в древнерусском обществе, с ними приходилось считаться. Возможно, эти князья или люди из их ближайшего окружения пребывали, пусть даже номинально, в дружине Олега во время похода и переговоров с греками. Но через три десятилетия в тексте договора Игоря с Византией 944 г. встречаем уже иную формулу: послы были «послании от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякоя князья, и от всих людий Руския земли». Далее послы молвят: «И великий князь наш Игорь, и князи и боляри его, и люди вси рустии послаша ны...»⁵⁴.

В договоре 944 г., следовательно, уже не упоминаются «светлыи и велиции князи», вместо этого использована не то что менее торжественная, но прозаическая формулировка: «всякое княжье» и просто «князи». Нет даже уверенности в том, упоминаются тут то ли главы племенных княжений, то ли члены семейства Игоря. Склоняюсь всё же к мысли, что речь идёт о племенных князьях, но их значение в общественно-политической жизни страны уменьшилось и поблѣкло. Контекст договора 944 г. оставляет возможность для предположения, что к ним относились не как к сильным и автономным властителям, а как к подчинённым киевскому князю правителям племенных территорий. Об этом же, как мне кажется, свидетельствуют и упоминания в тексте соглашения 944 г. «всех людий Руския земли», «людий всех руских» – речь идёт о населении государства с общей для всех территорий, в котором место племенных княжений делалось всё скромнее.

Тем не менее вожди княжений чувствовали себя достаточно уверенно и в годы правления Игоря. Недаром формула его договора с греками в части, касающейся глав княжений, осталась по содержанию неизменной со времён Олега. В преамбуле договора 911 г. говорится о том, что русские послы пришли от Олега и светлых и великих князей, соглашения же 944 г. – от Игоря и всякого князья⁵⁵.

И после Игоря, при Святославе и его сыне Ярополке, «светлыи и велиции князи» сохранили, пусть даже в урезанном виде, автономию, богатства и влияние в обществе. Положил конец автономному статусу племенных княжений, а заодно и могуществу их вождей Владимир Святославич. Он заменил в главных городах Русской земли племенных князей своими сыновьями⁵⁶ (и, можно думать, ближними боярами), чем поставил эти города с окружающими их землями в прямую зависимость от киевского центра. Было окончательно ликвидировано деление общества по родоплеменному признаку, на котором продолжали стоять племенные княжения. Победил территориальный принцип построения страны и государства. Произошло это, согласно приблизительной хронологии «Повести временных лет», в 988 г. Однако думаю всё-таки, что восточнославянская государственность родилась полутора столетиями ранее.

⁵³ Повесть временных лет. С. 24–26.

⁵⁴ Повесть временных лет. С. 35.

⁵⁵ Там же. С. 25, 26, 35.

⁵⁶ Повесть временных лет. С. 83.

4. Начало государства (Аскольд)

Одна из причин расхождения мнений относительно времени возникновения государства на Руси состоит в нечёткости самого понятия государственности в литературе, а также в догматизме некоторых историков. Например, И. Я. Фроянов, называя главные признаки государственности: 1) размещение жителей по территориальному признаку, 2) существование публичной власти, отделённой от массы народа, и 3) взимание податей для содержания княжеской власти, уверяет читателя в том, что говорить о государстве можно только тогда, когда существуют все перечисленные признаки⁵⁷. Иначе говоря, государство или существует или его нет – промежуточных стадий историк не признаёт. И на этом шатком основании отказывает Киевской Руси времён Владимира Святославича в праве называться государством. К такому утверждению можно отнести разве что с иронией.

Названные И. Я. Фрояновым вслед за другими исследователями⁵⁸ основоположные признаки государственности в общем верны. Однако неминуемо возникает вопрос: в каких конкретных формах они проявлялись в восточнославянском обществе? Полагаю, что для эпохи формирования Киевского государства этими формами были: окняжение территории, подчинение власти центра земель племенных княжений и рождённое им распространение на эти территории систем взимания дани, управления (администрации) и судопроизводства. Сведения об этом в источниках начинаются с середины IX в. Все они относятся к южнорусским землям. Отчуждение носителей власти от прочих жителей страны проявилось, в частности, в выдвижении единоличных и наследственных правителей, что отразилось в изменении формулировок летописей, повествующих о восточнославянском обществе, начиная с середины IX в.

Рассматривая известия Нестора о расселении восточнославянских племён и их дальнейших судьбах, я обратил внимание на то, что в них долгое время выступают лишь племенные названия: поляне, древляне, радимичи и др. Все они фигурируют в летописи безлично, общей массой населения земель союзов племён или племенных княжений, что соответствует социальному уровню этих объединений. Вожди «родов» (союзов племён и даже племенных княжений) летописцами не называются. Единственное исключение – история Кия, Щека и Хорива, которую Нестор рассказал столь подробно, вероятно, лишь благодаря полемике с новгородским книжником, поставившим под сомнение княжеское достоинство главы полянского союза.

Формулировки летописцев в этом смысле тождественны для всего догосударственного периода эволюции восточнославянского общества: «Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне...»; «поляном же живущем особе, яко же рекохом, сущим от рода словеньска и нарекошася поляне»; «быша обидимы (поляне. – *Н. К.*) древлянами и инеми околними»⁵⁹.

Даже в прославляющем полян повествовании Нестора об уплате ими хазарам дани мечами, относящемся, на мой взгляд, к эпохе существования племенных княжений, поляне выступают общей массой: их князь (или князья) не назван и не упомянуто о его существовании. Это трудно объяснить забывчивостью летописца, потому что он не преминул молвить о хазарском князе и его старейшинах («несоша козари (меч. – *Н. К.*) ко князю своему и к старейшиным своим»). Вероятно, Нестор мог знать, что в те времена у полян не существовало

⁵⁷ Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 61.

⁵⁸ Сам историк ссылается на работу: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Под ред. А. И. Першица, Д. Трайде. М., 1986.

⁵⁹ Повесть временных лет. С. 11, 14, 16.

единоличной власти, но далее подчеркнул, что в его дни положение изменилось: «Володеють бо козары русьскыи князи и до днешнего дне»⁶⁰.

Известия летописцев о восточнославянском обществе персонифицируются со второй половины IX в. Рассказывая под весьма условным 862 г. об утверждении в Киеве воевод Рюрика, «Повесть временных лет» сообщает: «Аскольд же и Дир остава в граде семь, и многи варягы съвокуписта, и нача владети польскою (полянской. – Н. К.) землею; Рюрику же княжашу в Новгороде»⁶¹. С той поры летописцы ведут повествование, **всегда** называя имена князей, активных действующих персонажей исторического процесса. Следующая запись в «Повести» о политических событиях в Поднепровье, на бывшей Полянской земле, молвит: «Иде Асколд и Дир на греки»⁶², но не «идоша поляне на греки», как могло бы быть сказано в недавнем прошлом. Утверждение затем Рюриковичей в Киеве институировало центральную власть, сделав её наследственной, в чём современная этнология справедливо видит один из главных признаков государственности⁶³.

Идея наследственности княжеской власти проступает в повествовании Нестора о приходе Олега к Киеву и столкновении его с местными князьями: «И рече Олег Асколду и Диrowи: „Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа“, и вынесоша Игоря: „А се есть сын Рюриков“»⁶⁴. Подчёркивается избранность людей, принадлежащих к княжескому роду. В реконструированном А. А. Шахматовым сообщении Древнейшего Киевского свода 1037–1039 гг. проводится, думаю, мысль о законности и наследственности власти Аскольда и Диrowа, ради чего составитель свода объявил их непосредственными преемниками Кия, Щека и Хорива: «И по сих братьи княжиста Киеве Асколд и Дир и беаста владеюща полями» (полями. – Н. К.)⁶⁵.

В первой половине IX в. в Среднем Поднепровье уже существовало политическое объединение восточных славян. Историки и археологи называют его «Русской землёй». Процесс слияния союзов племён и их сплочение «Русской землёй» в этносоциальную и культурную общность не отражён в письменных источниках. Не раз предпринимались попытки исследовать его на археологическом материале⁶⁶. Эти штудии ждут своего продолжения.

Летопись даёт определённые основания утверждать о складывании первого восточнославянского государства в Поднепровье к середине IX в. Однако современное состояние изученности проблемы социально-экономических отношений на Руси позволяет считать, что феодальные отношения начинают утверждаться там не ранее второй половины X в. Во всяком случае, тогда в источниках проступают их первые признаки. Следовательно, процессы образования государственности у восточных славян начались и вначале происходили в обществе, которое по преимуществу было родоплеменным. Ничего принципиально не может изменить признание этого общества переходным от родоплеменного к феодальному строю, поскольку ростки нового уклада тогда едва проклёвывались, не изменяя социально-экономической сущности общества.

Первое, как мне кажется, несомненное свидетельство источника по поводу существования древнерусской государственности относится ко времени после утверждения Олега в Киеве (около 882 г.): «Се же Олег нача города ставити и устави дани словенам, кривичем и мери...»⁶⁷. Был определён порядок взимания дани на подвластных князю землях, которые окняжались

⁶⁰ Там же. С. 16–17.

⁶¹ Там же. С. 19. Рюрик тогда или княжил в Ладоге, или сидел на Городище вблизи будущего Новгорода, который возник в X в.

⁶² Там же.

⁶³ Service E. R. Op. cit. P. 266–290.

⁶⁴ Повесть временных лет. С. 20.

⁶⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 322–323.

⁶⁶ См.: Rogov A. I., Florja B. H. Указ. соч. С. 101, 102.

⁶⁷ Повесть временных лет. С. 20.

таким образом; создавались опорные пункты центральной власти в племенных княжениях. Но существует летописное известие, позволяющее думать, что процессы огосударствления территории Руси проходили на юге уже во времена Аскольда и Дира. Авторитетный источник, по мнению А. А. Шахматова, полнее других отразивший Древнейший (1037–1039) и позднейшие изводы XI в. – Новгородская первая летопись младшего извода уверенно отмечает: «И по сих, братии той, (Кие, Щеке и Хориве. – *Н. К.*) приидоста два варяга и нарекоста князема: одному бо имя Асколд, а другому Дир; и беста княжаща в Киеве и владеюща полями (полями. – *Н. К.*); и беша ратнии с древляны и с улици»⁶⁸. В свете этого сообщения делаются понятными позднейшие войны Олега и Игоря с теми же «племенами». Во всех случаях речь шла об окняжении территорий племенных княжений уличей и древлян, обложении их данью.

Это свидетельство Новгородской первой летописи младшего извода подкрепляется, по моему мнению, известием летописи Никоновской под очень условным 865 г.: «Того же лета воеваша Асколд и Дир полочан и много зла створиша»⁶⁹. При всём распространённом в наше время в научной среде скептическом отношении к ранним известиям Никоновского свода отмечу всё же, что приведённая запись заслуживает доверия, перекликаясь со словами Нестора под 862 г.: «И прия власть Рюрик и раздал мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи»⁷⁰.

Наконец, в пользу мнения относительно существования в Поднепровье во времена Аскольда общества, которому свойственны были значительная организованность, а также социальное расслоение (то, что М. Фрид и многие зарубежные этнологи называют стратифицированным обществом⁷¹) и чётко выраженная княжеская власть, свидетельствует и знаменитый поход под водительством этого князя на Царьград в 860 г. – в «Повести временных лет» он ошибочно поставлен под 866 г.⁷² Грандиозные масштабы и сам характер похода, отражённые русской летописью и византийскими современниками, среди них патриарх Фотий, препятствуют суждению о нём как о типичном для позднего родоплеменного строя набеге «варваров» на богатых соседей – это была внешнеполитическая акция молодого государства. Напротив, в рамки подобных набегов вполне укладываются описанные в житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского нападения русов на византийские города Сурож и Амастриду в конце VIII – первой трети IX в.

На мой взгляд, Киевское княжество Аскольда стало той этносоциальной и политической сердцевиной, вокруг которой начала складываться Древнерусская держава. Споры относительно того, откуда, с Севера или с Юга, «пошла Русская земля», ведущиеся в последние годы, могут быть однозначно решены в пользу последнего. Южные русские земли заметно опережали в развитии северные. Дело не только в том, что в IX в., когда рождается восточнославянская государственность в Поднепровье, Новгород просто ещё не существовал. В племенном княжении ильменских словен, организующим и правящим центром которого в X в. стал этот город, в IX в. источники не отмечают социально-политических процессов, которые можно было бы считать государствообразующими. По крайней мере, на этот счёт вообще отсутствуют свидетельства авторитетных письменных памятников. Это можно объяснить, в частности, тем обстоятельством, что словены относительно поздно (где-то в конце VII–VIII вв.) пришли на север с исторической прародины.

⁶⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 106.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862. С. 97.

⁷⁰ Повесть временных лет. С. 18.

⁷¹ *Fried M.* Op. cit. P. 185–186.

⁷² Повесть временных лет. С. 19.

5. Рождение общерусской государственности

Предлагая считать временем рождения первого восточнославянского – ещё не общерусского! – государства середину IX в., не могу возражать против того, что систематические известия о рождении государственности на Руси начинаются в летописи с конца IX в. Утверждение Олега в Киеве стало решающим шагом на пути государственного строительства в Восточной Европе. Русский Север был объединён с русским же Югом⁷³, а Киев провозглашён столицей уже Древнерусского государства – в уста Олега летописец вложил знаменательные слова: «Се буди мати градом русьским»⁷⁴.

После известий о строительстве Олегом городов и установлении князем даней «Повесть временных лет» рисует картину последовательного распространения центральной власти на земли племенных княжений: «Поча Олег воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне»⁷⁵. Далее настала очередь северян и радимичей. Вначале в состав формировавшегося государства вошли южнославянские (за исключением радимичского) племенные княжения. Древнерусская государственность в IX – первой половине X в. складывалась в основном на юге.

Земли присоединяемых к Киеву племенных княжений сразу же огосударствливались, прежде всего, путём распространения на них систем собирания дани, судопроизводства и администрации⁷⁶. Вскоре после утверждения в Киеве Олег обложил данью древлян, далее северян и радимичей⁷⁷. По мнению А. А. Шахматова, в Начальном своде 1095 г. читалось, что во времена Олега к государству на какое-то время присоединили и уличей⁷⁸. А затем летописец на многие годы будто забывает об Олеге и вспоминает о нём в описании событий похода на греков 907 г. Из перечисления племён, принявших участие в походе, узнаём, что в состав государства к тому времени вошли ещё княжения вятичей, хорватов и дулебов. В рассказах летописцев о подчинении племенных княжений киевскими властителями первое место занимает забота последних о взимании дани, стремление воспрепятствовать её собиранию соседями. Эта политика проводится, согласно прямым свидетельствам летописи, начиная с Олега. Но ещё вокняжение Аскольда и Дира в Киеве освободило полян от уплаты дани хазарам, следовательно, дань досталась новым князьям⁷⁹. В летописи Нестора читаем: «Иде Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легьку, и не дасть им козаром дани платити». То же самое князь велел и радимичам⁸⁰. Первоочередное стремление обложить данью только что присоединённые к Киеву племенные княжения прослеживается и в деятельности Игоря. При этом размер дани использовался князем как средство экономического и политического

⁷³ Разобщённость северных и южных областей восточнославянского мира в большей части IX в. рисуется источниками достаточно чётко. «В начале IX в. политическая жизнь восточного славянства выступает перед нами разбитой на два обособленных мира – южный, русский и северный, варяжский. Южный втянут в круг византийских и хазарских отношений и... выходит из глуши племенного быта на новые пути боевой и торговой международной жизни... Утверждение славян в бассейне Ильменского озера и по Волхову до Ладожского озера вывело их через раздвинутую ими финскую массу на пути непосредственных отношений со скандинавами». (Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 283). Не со всем сказанным известным историком можно согласиться. Но общая тенденция развития восточнославянского мира определена верно.

⁷⁴ Повесть временных лет. С. 20.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ В летописи присоединение Олегом к Киеву древлян, северян и радимичей отнесено к трём смежным годам: 883, 884 и 885. Но хронология «Повести» за IX в. очень условна. Вероятно, борьба с сильными княжениями древлян и северян растянулась на много лет и могла завершиться незадолго перед походом Олега на Царьград в 907 г.

⁷⁸ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 102.

⁷⁹ Повесть временных лет. С. 19.

⁸⁰ Там же. С. 20.

давления на непокорных: «Иде Игорь на деревляны и, победив а, возложи на ня дань болши Олгови»⁸¹. Вместе с тем с первых лет существования Древнерусского государства дань долго оставалась, как правило, ненормированной.

⁸¹ Там же. С. 31.

6. Основные этапы развития государства в X в

Вхождение племенных княжеств в состав государства долгое время было непрочным. Смена князя в Киеве обыкновенно приводила к отпадению сильнейших княжеств. Под 913 г. «Повесть временных лет» сообщает: «Поча княжити Игорь по Олзе... И деревляне затворишася от Игоря по Олгове смерти»⁸². И Ольге, и Владимиру Святославичу доводилось начинать правление с возвращения под власть Киева отпавших племенных княжений. И всё же к середине X в. первый этап складывания Древнерусского государства можно считать завершённым.

По мнению известного историка, период Олега и Игоря не внёс принципиальных изменений в социально-экономические отношения в Древней Руси. Он имел в виду то обстоятельство, что эти отношения существенно не отличались от господствовавших в восточнославянском обществе предыдущего времени. Думаю, что это было не так. И уже вовсе ошибался этот учёный, когда считал, что оба князя увлекались внешней политикой во вред внутренней⁸³. Они были строителями первого этапа государственности, и не стоит требовать от них большего, чем они могли дать.

Второй этап в развитии государственности Руси начался, на мой взгляд, с наступления княжения преемницы Игоря Ольги, с решительных мер княгини по упорядочению системы и норм взимания дани, организации опорных пунктов центральной власти на местах, распространения административной и судебной систем на подвластные Киеву земли⁸⁴. Умные, дальновидные и целенаправленные действия правительства Ольги были решающим шагом на пути огосударствления племенных княжений, превращения их земель в государственную территорию Киевской Руси. Этот этап завершается в начале княжения Владимира, когда племенные княжения окончательно вошли в состав государства. Тогда оно начало превращаться в раннефеодальное.

Как подчёркивают летописцы, в последней трети X в. княжеская власть, оставаясь наследственной, делается единоличной. Впервые понятие единовластия в «Повести» применено к старшему брату Владимира Ярополку⁸⁵ под 978 г.: «А Ярополк посадники своя посади в Новгороде, и бе володея един в Руси». Победивший Ярополка в поединке за киевский престол Владимир также провозглашён Нестором единовластным правителем государства: «И начал княжити Володимир в Киеве един»⁸⁶.

Таким образом, государственность сложилась в обществе восточных славян, оставаясь ещё родоплеменной. Предлагаю назвать первое русское государство середины IX – большей части X в. **надплеменным**, поскольку власть не только отделилась от массы народа, но и поднялась над самой племенной верхушкой, приобрела индивидуальный характер. Кроме того, государство было организовано уже по территориальному принципу и этим решительно отличалось от предшествующих ему протогосударственных объединений. Такой была **социальная сущность** Древнерусского государства IX – первой половины X в.

⁸² Там же.

⁸³ *Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // История СССР. 1981. № 2. С. 71.

⁸⁴ Повесть временных лет. С. 43.

⁸⁵ Единовластным выглядит уже Рюрик в следующем сообщении Новгородской первой летописи младшего извода: «По двю же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владети един» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 107). Как известно специалистам, А. А. Шахматов считал эту летопись ближе, чем «Повесть временных лет», к Начальному своду 1095 г. и, следовательно, – к Древнейшему своду. Однако приведённая цитата ставит под сомнение эту мысль, по крайней мере в словах относительно единовластия Рюрика. Думаю, что это место источника подверглось влиянию рассказов позднейших летописцев о единовластном правлении Ярополка и Владимира.

⁸⁶ Повесть временных лет. С. 54, 56.

Договоры с греками, и уже первый среди них 911 г., представляют Русь как совокупность населения всех её земель. Она выступает в этом договоре не только как особенная политическая общность со своей верховной властью, собственными «законами» и «поконами», но и как общность этническая. В преамбуле договора 911 г. послы Олега и других князей выступают «от рода рускаго»⁸⁷. В договоре Игоря 944 г. подчёркнуто, что послы представляют как Игоря и «всякое княжье», так и «всех людей Руския земля». А дальше «люди вси рустии» названы полноправными участниками русско-византийского соглашения⁸⁸.

Что же касается **формы** Древнерусского государства IX–X вв., то стоит принять удачное определение, предложенное известным скандинавистом Е. А. Мельниковой: **дружинное государство**⁸⁹. Потому что господствующий слой такого государства был представлен верхушкой дружины, из её членов состоял в течение долгого времени элементарный аппарат управления. Дружина осуществляла сбор дани и судебные функции.

⁸⁷ См.: *Рогов А. И., Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 103.

⁸⁸ *Повесть временных лет.* С. 35.

⁸⁹ *Мельникова Е. А.* К типологии становления государств в Северной и Восточной Европе // *Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы.* М., 1992. С. 39.

7. Полиэтничность Киевской Руси

Следует принимать во внимание то, что Древнерусское государство с начала своего существования было полиэтничным. В Восточной Европе вместе со славянами жили более двадцати неславянских народов. Древнерусские летописцы хорошо знали об этом и учитывали это в собственных этноисторических построениях. Описывая племенные княжения в Восточной Европе, «Повесть временных лет» сообщает: «На Белоозере сеять весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же. А по Оце реце, где втечет в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, морьдва свой язык»⁹⁰. Нестор ещё неоднократно будет обращаться к неславянским, прежде всего угро-финским народам, которые сосуществовали с Русью в Восточной Европе.

Угро-финны и литовцы Восточной Европы в IX–X вв. переживали стадию разложения родоплеменного строя. В их среде также складывались союзы племён и затем племенные княжения, хотя хронология этих явлений ещё менее ясна, чем у славян. Можно допускать существование крупных племенных княжений: чудского мерьского, веского.

Нестор подчёркивает зависимое положение неславянских народов от Руси: «А се суть инии языци, иже дань дают Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь – си суть свой язык имуще»⁹¹. Летописец видит различие неславянских народов и Руси, во-первых, в языке (говорят на собственных языках), во-вторых, в ином происхождении (ибо Русь принадлежит к славянским народам), в-третьих, в зависимом положении (дают дань Руси)⁹².

Как справедливо заметил более четверти столетия назад В. Т. Пашуто, «и донныне в сущности остаётся не поколебленным взгляд, что Древнерусское государство возникло в результате насильственного объединения племён и охватило огромный кусок восточноевропейской территории»⁹³. Речь идёт о славянских и неславянских племенах. Этот взгляд поныне разделяется многими историками, хотя и лишён источниковых оснований.

Главный путь, которым неславянские земли вошли в состав Киевской Руси, – это в основном мирная колонизация, освоение и заселение их славянами.

Ни письменные, ни вещественные источники не дают оснований утверждать сколько-нибудь заметную насильственную колонизацию славянами иноязычных племён и их земель. До сих пор археологам не удалось найти следов масштабной принудительной колонизации. Имею в виду остатки разрушенных и сожжённых поселений и протогородов, костяков людей, умерших насильственной смертью, и пр. Приходится признать правоту М. К. Любавского, в 20-е гг. нашего столетия обобщившего свидетельства источников о заселении Верхневолжского и Окского бассейнов и пришедшего к выводу, что, начиная с доисторических времён, основную роль в нём сыграло стихийное народное движение. Именно народной колонизации обязаны своим появлением многочисленные погосты и волости, сёла и сельца. Намного позже в колонизационном процессе проявится организующая роль феодалов, князей и бояр⁹⁴

⁹⁰ Повесть временных лет. С. 13.

⁹¹ Там же.

⁹² Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 69.

⁹³ Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 84.

⁹⁴ Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929. С. 12–13.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.